

Часть первая
ПОТЕРЯВШАЯСЯ ВО ТЬМЕ

Глава 1

«Это скоро кончится, и тогда я смогу уехать домой, в Тару». Скарлетт О'Хара-Гамильтон-Кеннеди-Батлер стояла одна, в стороне от остальных пришедших проститься с Мелани Уилкс. Шел дождь, и мужчины и женщины в черном держали над головой черные зонты. Они стояли, прижавшись друг к другу, деля горе и прикрытие от дождя; женщины плакали.

Скарлетт ни с кем не делила ни свой зонт, ни свое горе. Порывы ветра сбрасывали с зонта ей за воротник струйки обжигающе холодного дождя, но она не обращала на это внимания. Она ничего не чувствовала — эта утрата словно выпотрошила ее. Она оплачет Мелани позже, когда сможет вынести боль. А сейчас она старалась не подпускать к себе ни боль, ни чувства, ни мысли. Ничего, кроме слов, которые она снова и снова повторяла про себя, — слов, обещавших исцеление от боли, которая еще придет, обещавших силы, чтобы выжить, пока не пройдет боль.

«Это скоро кончится, и тогда я смогу уехать домой, в Тару».

— ...Мы же, смертные, из земли созданы и в ту же землю возвратимся...

Слова священника пробивали скорлупу омертвения, оседали в сознании. «Нет! — кричало в душе Скарлетт. — Только не Мелли. Это могила не Мелли, она слишком большая, а Мелли такая худенькая, косточки у нее как у птички. Нет! Не может быть, чтобы она умерла, этого быть не может!»

Скарлетт помотала головой, хотя перед ней была разверстая могила, в которую опускали сейчас простой сосновый ящик. В мягком дереве остались маленькие полукружия — следы молотков, которыми забивали гвозди в крышке, опустившейся на нежное, ласковое, продолговатое личико Мелани.

«Нет! Вы не можете, не должны этого делать — ведь идет дождь, как же можно класть ее тут, она промокнет. А она так боится холода — нельзя оставлять ее под холодным дождем. Не могу я на это смотреть,

я не вынесу, я не верю, что ее нет. Она же любит меня, она мой друг, мой единственный верный друг. Мелли любит меня — она не оставила бы меня сейчас, когда она так мне нужна».

Скарлетт окинула взглядом людей, стоявших у могилы, и ярость горячей волной затопила ее. «Да ни один из них не горюет так, как я, ни один не понес такой утраты. Никто не знает, как я ее люблю. Мелли, правда, знает, а может быть, нет? Знает, я должна верить, что знает. А они никогда этому не поверят. Ни миссис Мерриуэзер, ни Миды, ни Уайтинги, ни Элинги. Как они все сгрудились вокруг Индии Уилкс и Эшли — точно стая мокрых ворон в этих своих траурных платьях. Успокаивают тетушку Питтипэт, хотя все знают, какие она закатывает истерики и как может все глаза выплакать из-за самой малости — даже из-за того, что гренки подгорели. Им и в голову не придет, что успокаивать-то, пожалуй, надо меня — ведь я была ближе их всех к Мелани. А они ведут себя так, будто меня тут и нет. Никто на меня и внимания не обращает. Даже Эшли. Он же знает, что я была у них все эти два страшных дня после смерти Мелани, когда я им была нужна, чтобы все устроить. Все они — даже Индия — блеяли, как козы: “Что нам делать с похоронами, Скарлетт? А тех, кто придет с соболезнованием, надо кормить? А как насчет гроба? Кто его понесет? Как получить землю на кладбище? А какую надпись сделать на надгробии? Какое объявление поместить в газетах?” А сейчас сгрудились все вместе, плачут и причитают. Ну уж меня-то плачущей они не увидят, да мне и притутлиться не к кому. Не должна я плакать. Здесь — не должна. Не сейчас. Если я заплачу, то уж не остановлюсь. Вот доберусь до Тары, там и буду плакать».

Скарлетт вскинула голову, крепко сжала зубы, чтобы не стучали от холода и чтобы в горле прошел комок. «Это скоро кончится, и тогда я смогу уехать домой, в Тару».

Осколки ее разбившейся жизни окружали Скарлетт на Оклендском кладбище Атланты. Высокая гранитная стела — серый камень, исполосованный серыми потеками дождя, — напоминала о навсегда исчезнувшем мире, беззаботном мире ее юности до войны. Это был памятник конфедератам, воздвигнутый гордым, удалым, бесстрашным людям, которые, пойдя в бой с развернутыми яркими знаменами, довели Юг до уничтожения. Стела напоминала о стольких загубленных жизнях, о друзьях детства Скарлетт, выпрашивавших разрешения провальсировать с нею или поцеловаться в те дни, когда все ее помыслы были о том, какое платье с пышной юбкой надеть на бал. Стела напоминала о первом муже Скарлетт — Чарльзе Гамильтоне, брате Мелани. Она напоминала о сыновьях, братьях, мужьях, отцах всех этих

людей, стоявших сейчас под дождем на невысоком холме, где хоронили Мелани.

Были тут и другие могилы, другие меты. Фрэнка Кеннеди, второго мужа Скарлетт. И маленькая, до ужаса маленькая могилка, где на надгробии написано: «ЭЖЕНИ-ВИКТОРИЯ БАТЛЕР» и ниже — «БОННИ». Последнее дитя Скарлетт и самое ее любимое.

Скарлетт окружали и живые, и мертвые, но она стояла одна. Казалось, половина Атланты собралась тут. Толпа вылилась из церкви и растеклась, образовав широкий неровный темный обод вокруг яркого, несмотря на серый дождь, пятна красной глины — земли Джорджии, в которой была вырыта могила для Мелани Уилкс.

В переднем ряду стояли самые близкие. Белые и черные, с лицами, залитыми слезами, — у всех, кроме Скарлетт. Старый кучер дядюшка Питер, Дилси и повариха черным треугольником окружали Бо, растерянного сынишку Мелани.

Старшее поколение Атланты было представлено своим трагически сократившимся потомством. Миды, Уайтинги, Мерриуэзеры, Элсинги со своими дочерьми и зятьями, а также единственным оставшимся в живых сыном — Хью Элсингом; тетя Питтипэт Гамильтон и ее брат дядя Генри Гамильтон, забывшие в горе по умершей племяннице давнюю вражду. Более молодая, но выглядевшая такой же старой, как и все они, Индия Уилкс, укрывшись среди них, наблюдала исполненными горя и сознания своей вины глазами за своим братом Эшли. Он, как и Скарлетт, стоял в стороне. Стоял с непокрытой головой, несмотря на дождь, не сознавая, что ему предлагают укрыться под зонтом, не чувствуя холода и сырости, не в силах принять необратимость в словах священника, как и реальность узкого гроба, опускаемого в мокрую красную землю.

Эшли. Высокий, худой, бесцветный, с некогда золотистыми, а ныне почти совсем седыми волосами и бледным, лишенным выражения лицом, таким же пустым, как и взгляд невидящих серых глаз. Он стоял такой прямой, словно вытянулся, чтобы отдать честь, как привык делать в течение тех лет, что носил серую форму. Стоял, застыв, ничего не чувствуя и не понимая.

Эшли. Причина и символ разбитой жизни Скарлетт. Из любви к нему она прошла мимо счастья, которое было рядом. Она отвернулась от мужа, не увидев его любви к ней, не признаваясь себе в любви к нему, — и все потому лишь, что хотела завладеть Эшли. И вот Ретт ушел от нее — о нем напоминал лишь букет золотистых осенних цветов, лежавший среди остальных. Она предала своего единственного друга — Мелани, презрела ее преданность и любовь. А вот теперь и

Мелани не стало. Не стало даже и любви Скарлетт к Эшли: она поняла — слишком поздно, — что привычка любить его давно заменила саму любовь.

Она не любила его и никогда снова не полюбит. Но теперь, когда Эшли ей уже не нужен, он — в ее распоряжении, Мелани оставила его ей. Она же обещала Мелли, что позаботится о нем и о Бо.

Эшли был причиной краха ее жизни. И жизнь оставила ей только его.

Скарлетт стояла одна, в отдалении. Между нею и всеми этими людьми, которых она знала в Атланте, лежало холодное серое пространство — пространство, которое раньше заполняла Мелани, спасая Скарлетт от изоляции и остракизма. Лишь холодный мокрый воздух окружал ее под зонтом, и рядом не было Ретта, — Ретта, который заслонял бы ее от ветра своей сильной широкоплечей фигурой, своей любовью.

Скарлетт вздернула подбородок, подставив лицо ветру, не чувствуя его. Все помыслы ее были сосредоточены на одной фразе, в которой она черпала силу и надежду:

«Это скоро кончится, и тогда я смогу уехать домой, в Тару».

— Ты только посмотри на нее, — шепнула дама под черной вуалью своей спутнице, стоявшей рядом под зонтом. — До чего бесчувственная. Я слышала, это она занималась похоронами и за все время не проронила ни слезинки. Один бизнес в голове — в этом вся Скарлетт. Совсем нет сердца.

— А знаешь, что люди говорят, — послышался ответный шепот. — Все сердце она отдала Эшли Уилксу. Как ты думаешь, они в самом деле...

На них зашикали, но обе подумали об одном и том же. Все об этом думали.

Жуткий глухой удар земли о дерево заставил Скарлетт стиснуть руки. Ей хотелось закрыть уши руками, закричать, завизжать — что угодно, лишь бы не слышать этих страшных звуков, означающих, что засыпают могилу Мелани. Она больно прикусила губу. Нет, она не закричит, нет.

Торжественную тишину разорвал крик Эшли:

— Мелли... Мелли! — И еще: — Мелли-и-и!

Это был крик истерзанной души, крик, исполненный одиночества и страха.

Эшли шагнул к глубокой яме, словно внезапно ослепший, вытянул вперед руки, как если бы пытался схватить ускользавшую от него маленькую тихую женщину, в которой была вся его сила. Но хватать было нечего — по рукам лишь стекали холодные серебристые струи дождя.

Скарлетт взглянула на доктора Мида, на Индию, на Генри Гамильтона. Почему они не вмешаются? Почему не остановят его? Его надо остановить!

— Мелли-и-и!

«Господи боже ты мой! Да ведь он же сломает себе шею, а они стоят и смотрят, разинув рот, как он раскачивается на краю могилы».

— Эшли, прекрати! — крикнула она. — Эшли!

И кинулась к нему, спотыкаясь и скользя по мокрой траве. Брошенный ею зонт понесло ветром и прибило к груди цветов. Она обхватила Эшли за талию, потянула к себе. Он противился.

— Эшли, не смей! — Скарлетт старалась побороть его сопротивление. — Мелли уже не в силах тебе помочь.

Голос ее звучал резко: надо было пробиться сквозь пелену горя и безумия, окутавшую Эшли.

Он перестал сопротивляться, руки его повисли. Он тихо застонал и всем телом рухнул в объятия Скарлетт. Под тяжестью его тела она чуть не выпустила его, но в это мгновение доктор Мид и Индия подхватили Эшли — под мышки.

— Теперь отойдите, Скарлетт, — сказал доктор Мид. — Большего вреда вам уже не причинить.

— Но я же...

Она окинула взглядом окружающие лица, увидела в глазах жажду скандала. И, повернувшись, пошла прочь под дождем.

Толпа расступилась, словно боясь, что ее юбки могут задеть их и запачкать.

Не должны они знать, что их отношение ей безразлично, не даст она им увидеть, что они могут причинить ей боль. Скарлетт вызывающе подняла голову — пусть дождь струится по лицу и по шее. И, выпрямившись, расправив плечи, прошагала до ворот кладбища и исчезла из виду. А тогда она ухватилась за один из чугунных столбов. Голова у нее кружилась — так она была измучена, ноги подкашивались.

Кучер Элиас кинулся к ней с раскрытым зонтом. Скарлетт понуро подошла к своей карете и села, не заметив протянутой кучером руки. Очувшись в обитом плюшем укрытии, она забилась в угол и натянула на себя шерстяной полог. Она продрогла до костей и была в ужасе от того, что наделала. Как могла она так опозорить Эшли перед всеми, когда всего несколько ночей назад обещала Мелани заботиться о нем, оберегать его так же, как всегда оберегала его Мелли? Но разве могла она поступить иначе? Пусть бы он упал в могилу? Она должна была его остановить.

Карету болтало из стороны в сторону, высокие колеса ее проваливались в глубокие глиняные рытвины. В какое-то мгновение Скар-

летт чуть не упала на пол. Она ударилась локтем о раму в окне кареты, и острая боль пронзила всю руку.

Но это была лишь физическая боль — такую она может вынести. Вот другая боль — несколько отодвинувшаяся, отложенная на потом, отошедшая в тень — была непереносима. Нет, не сейчас, не здесь, когда она одна. Надо добраться до Тары, надо. Там Мамушка. Мамушка обнимет своими шоколадными руками, прижмет ее голову к своей груди, на которой Скарлетт выплакивала все свои детские горести. И она заплачет в объятиях Мамушки, выплачет всю свою боль; она успокоится на груди Мамушки, успокоит свое наболевшее сердце ее любовью. Мамушка прижмет ее к себе, согреет своей любовью, разделит ее боль и поможет все пережить.

— Пошевеливайся, Элиас, — сказала Скарлетт, — пошевеливайся же.

— Помоги мне снять эту мокрядь, Пэнси, — сказала Скарлетт горничной. — Да побыстрее.

Лицо у нее было смертельно бледное, отчего зеленые глаза казались темнее, ярче, нагоняли больше страху. Молоденькая черная девчонка разволновалась и делала все невпопад.

— Быстрее, сказала я. Если я опоздаю на поезд, я тебя так высеку!

«Ничего она меня не высечет». Пэнси знала, что не высечет. Рабства ведь больше нет, и она не принадлежит мисс Скарлетт, она в любую минуту может от нее уйти. Но зеленые глаза Скарлетт горели таким огнем, что уверенность Пэнси поколебалась. Похоже, Скарлетт все может.

— Уложи мне черную накидку из мериносовой шерсти — на дворе холодает, — сказала Скарлетт.

Она стояла и смотрела на раскрытый гардероб. Черная шерсть, черный шелк, черный хлопок, черное пике, черный бархат. До конца жизни ей не носить весь этот траур. Она все еще была в трауре по Бонни, а теперь в трауре по Мелани. Для траура же по себе самой надо будет найти что-то чернее черного, что-то еще более траурное. «Нет, не стану я сейчас об этом думать. Иначе я сойду с ума. Подумаю, когда приеду в Тару. А до тех пор потерплю».

— Одевайся же, Пэнси. Элиас ждет. И только посмей забыть черную повязку. Наш дом в трауре.

Улицы, сходящиеся у Пяти Углов, представляли собой сплошное месиво. Фургоны, двуколки и кареты увязали в грязи. Возницы кляли дождь, улицы, лошадей, других возниц, мешавших проехать. В воздухе стоял крик, свист кнутов, голоса людей. У Пяти Углов всегда было

столпотворение — люди спешили, переругивались, возмущались, смеялись. Пять Углов кипели жизнью, там чувствовался напор, устремление вперед. Пять Углов были той Атлантой, которую любила Скарлетт.

Но не сегодня. Сегодня Пять Углов стояли на ее пути — Атланта цепко держала ее. «Я должна попасть на этот поезд, я умру, если пропущу его, я должна добраться до Мамушки и до Тары — или я сломаюсь».

— Элиас, — крикнула она, — хоть до смерти запори лошадей, хоть передави всех пешеходов на улице! Только доберись до станции!

Лошади у нее были самые сильные, кучер — самый искусный, карета — лучшая, какую можно купить. Так что пусть ничто не попадется ей на пути.

К поезду она приехала загодя.

Громко зашипел пар. Скарлетт затаила дыхание, прислушиваясь, когда же раздастся лязг закрутившихся колес, который будет означать, что поезд тронулся. Вот. Лязгнуло раз. Другой. И заскрипел, закачался вагон. Наконец-то она двинулась в путь.

Все будет хорошо. Она же едет домой, в Тару. Она представила себе белый дом, поблескивающий на солнце, глянцевиные зеленые листья кустов жасмина, усеянных белыми восковыми цветами.

Плотные серые струи дождя потекли по окну, когда поезд отъехал от станции, но это не имело значения. В Таре, в гостиной, будет потрескивать огонь в камине, куда, кроме дров, подбросят сосновых шишек, портьеры задернут, отгораживая ее от дождя, темноты и внешнего мира. Она уткнется головой в мягкую широкую грудь Мамушки и расскажет про весь ужас, который за это время ей пришлось пережить. А потом уж она сможет все обдумать, наметить какой-то план...

Засвистел пар, заскрежетали колеса, голова Скарлетт дернулась.

Неужели уже Джонсборо? Должно быть, она задремала, и неудивительно — ведь она так устала. Она уже две ночи не спала, невзирая на бренди, которого хлебнула, чтобы успокоить нервы. Нет, это Раф-энд-Реди. До Джонсборо еще целый час. По крайней мере хоть дождь перестал — впереди даже появился кусок голубого неба. А в Таре, возможно, даже светит солнце.

Она представила себе подъездную аллею с темными кипарисами по бокам, потом — широкая зеленая лужайка и любимый дом на невысоком холме.

Скарлетт тяжело вздохнула. Теперь в Таре хозяйничает ее сестра Сьюлин. Ха! Какая она хозяйка, эта плакса. Сьюлин только и знает, что хныкать, — всю жизнь, с самого детства, хнычет. И дети у нее — три девчонки-хныкалки — такие же, какой была она сама.

Дети Скарлетт тоже находились в Таре. Уэйд и Элла. Она отослала туда детей с Присси, их няней, как только узнала, что Мелани умирает. А наверно, следовало им быть с нею на похоронах Мелани. Их отсутствие дало всем этим старым атлантским кошкам лишний повод позлословить на ее счет: да разве же это мать! Ну и пусть несут какой угодно вздор. Не пережить ей было бы этих страшных дней и ночей после смерти Мелли, если бы еще надо было заботиться об Уэйде и Элле.

Не станет она о них думать — все. Она едет домой, в Тару, к Мамушке, и нельзя разрешать себе думать о том, что способно лишь огорчать. «Господь знает, достаточно у меня и без этого огорчений. И я так устала...» Голова ее свесилась на грудь, глаза закрылись.

— Джонсборо, мэм, — объявил кондуктор.

Скарлетт заморгала и выпрямилась.

— Спасибо.

Она окинула взглядом вагон, ища Пэнси и свои чемоданы. «Я с этой девки живьем шкуру сдеру, если она ушлепала в другой вагон. Ох, если б леди не надо было вечно иметь при себе компаньонку, как только она вышла за порог своего дома. Насколько было бы лучше быть одной. Ах, вот она».

— Пэнси! Сними чемоданы с полки. Мы приехали.

«Теперь уже осталось всего пять миль до Тары. Скоро я буду дома. Дома!»

Уилл Бентин, муж Сьюлин, ждал на платформе. Вид Уилла всегда потрясал Скарлетт — во всяком случае, первые несколько секунд. Она искренне любила и уважала Уилла. Будь у нее брат — а она всегда хотела иметь брата, — она бы мечтала, чтобы он был таким, как Уилл. Только без деревянной ноги и, конечно, не голодранец. Вот уж Уилла никогда не примешь за джентльмена — он, бесспорно, из низших слов. Она забывала об этом вдали от него, а в его присутствии забывала уже через минуту — такой он был хороший, добрый. Даже Мамушка высоко ставила Уилла, а уж Мамушка строго разбиралась, кто леди и кто джентльмен.

— Уилл!

Он шел к ней, по обыкновению, враскорячку. Она бросилась к нему на шею и крепко прижала к себе.

— Ох, Уилл, я так рада тебя видеть, что чуть не плачу от счастья. Уилл сохранял спокойствие.

— Я тоже рад тебя видеть, Скарлетт. Давненько мы не виделись.

— Слишком давно. Просто позор. Почти год.

— Скорее даже два.

Скарлетт изумилась. Неужели прошло столько времени? Неудивительно, что жизнь ее приняла такой печальный оборот. Тара всегда вдыхала в нее новую жизнь, придавала столь необходимые новые силы. Как могла она столько времени прожить без Тары?

Уилл подал знак Пэнси и пошел к фургону.

— Пора в путь, если мы хотим добраться дотемна, — сказал он. — Надеюсь, ты не станешь возражать, Скарлетт, если ехать будет не очень удобно. Раз уж я попал в город, то решил немного пополнить запасы.

Фургон был чуть не доверху набит мешками и пакетами.

— Нисколько не возражаю, — чистосердечно сказала Скарлетт. Она же ехала домой, и ей было все равно, на чем ехать, лишь бы добраться туда. — Залезай на мешки, Пэнси.

Всю долгую дорогу до Тары она молчала, как и Уилл, впитывая такую памятную деревенскую тишь, освежаясь ею. Воздух был омыт дождем, послеполуденное солнце грело плечи. Правильно она поступила, что вернулась домой. Тара будет ей прибежищем, и с помощью Мамушки она сумеет найти способ подправить свой пошатнувшийся мир. Скарлетт даже пригнулась, когда они свернули на знакомую аллею, и заулыбалась в ожидании.

Но когда показался дом, у нее вырвался возглас отчаяния:

— Уилл, что случилось?

Фронтон дома зарос диким виноградом, с плетей его свисали мертвые листья; ставни на четырех окнах осели, а на двух отсутствовали вообще.

— Ничего не случилось, кроме того, что было лето, Скарлетт. А я занимаюсь домом зимой, когда весь урожай собран. Через несколько недель займусь этими ставнями. Ведь еще не октябрь.

— Ох, Уилл, ну почему же ты не разрешаешь мне дать вам немного денег? Ты мог бы тогда нанять помощников. Штукатурка до того облупилась, что кирпичи видно. Дом же выглядит совсем заброшенным.

— Помощников не найти ни за любовь, ни за деньги, — терпеливо пояснил Уилл. — У тех, кому нужна работа, ее хоть отбавляй, а те, кто в ней не нуждается, мне ни к чему. Мы вполне справляемся вдвоем с Большим Ээмом. Деньги твои нам не нужны.

Скарлетт прикусила губу и проглотила невысказанные слова. Она уже не раз сталкивалась с гордостью Уилла и знала, что его не согнешь. Он прав: забота об урожае и животных — прежде всего. Их нуждами нельзя пренебрегать, а покраской дома — можно. Теперь Скарлетт увидела за домом поля. На них не было ни единого сорняка, они были свежеспаханы, и в воздухе стоял легкий, но густой запах навоза, которым удобрили землю для будущих посадок. Красная зем-

ля казалась теплой и плодородной, она отдыхала. Она была сердцем Тары, ее душой.

— Ты прав, — сказала Скарлетт Уиллу.

Дверь дома распахнулась, и на крыльцо высыпали люди. Впереди стояла Сьюлин, держа на руках малыша над вздутым животом, распиранным швы ее выцветшего бумажного платья. Шаль у нее съехала на одно плечо. Скарлетт изобразила радость, какой вовсе не чувствовала.

— Боже милостивый, Уилл, неужели Сьюлин ждет еще одного ребенка? Да тебе же придется пристраивать комнаты.

Уилл хмыкнул:

— Мы все пытаемся родить мальчика.

И он помахал жене и трем дочкам.

Скарлетт тоже помахала, пожалев, что не додумалась купить игрушек детям. О господи, да сколько же их! Сьюлин стояла насупившись. Скарлетт быстро обежала взглядом остальные лица, выискивая черных... Присси — тут... Уэйд и Элла прячутся за ее юбками. И жена Большого Сэма Делайла с ложкой в руке — должно быть, что-то мешала. А это — как же ее зовут? — ах да, Лути, няня в Таре. Но где же Мамушка? Скарлетт крикнула своим детям:

— Привет, мои хорошие, мама приехала. — И, повернувшись к Уиллу, положила руку ему на плечо. — А где Мамушка, Уилл? Не такая же она старая, чтобы не могла выйти встретить меня.

И почувствовала такой страх, от которого слова застряли в горле.

— Она в постели, Скарлетт, больна.

Скарлетт выпрыгнула из фургона, не дожидаясь, когда он остановится, споткнулась, чуть не упала и бросилась к дому.

— Где Мамушка? — спросила она Сьюлин, не обращая внимания на возбужденные приветствия детей.

— Хорошо ты с нами здороваешься, Скарлетт, да только могло быть и хуже — от такой, как ты, другого и ждать нечего. Чем ты думала, когда посылала сюда Присси со своими детками, даже не спросив нашего согласия? Ты же знаешь, что у меня полно дел, да и вообще!

Скарлетт подняла руку, замахиваясь на сестру:

— Сьюлин, если ты сейчас же не скажешь мне, где Мамушка, я закричу.

— Я знаю, где Мамушка, мисс Скарлетт, я знаю, — потянула Скарлетт за рукав Присси. — Сильно она больная, так что мы устроили ее в той маленькой комнатке, там, рядом с кухней — там еще висели окорока, когда было много окороков. Хорошо там, тепло, рядом труба печная. Мамушка уже была там, когда я приехала, так что в эту комнат-

ку не я ее устраивала, а вот стул туда я принесла, чтобы было куда сесть, если она встать захочет или кто к ней придет...

Присси говорила в пустоту. Скарлетт уже стояла у двери в комнату больной, опершись о притолоку, чтобы не упасть.

Это... это существо на кровати — не ее Мамушка. Мамушка была большая, сильная, дородная, с кожей цвета теплого шоколада. Из Атланты Мамушка уехала чуть больше полугода назад — не могла же она за это время так усохнуть. Этого не может быть. Скарлетт невыносимо было такое видеть. Это не Мамушка — просто нельзя поверить. Перед ней было серое высохшее существо, почти совсем плоское под выцветшим одеялом, — скрюченные пальцы слабо перебирали его складки. У Скарлетт мороз пробежал по коже.

И тут она услышала голос Мамушки. Тоненький, прерывающийся, но любимый и любящий Мамушкин голос.

— Сколько раз я вам говорила и говорила, мисс, чтоб не выходили на улицу без шляпки и без зонтика... Говорила и говорила...

— Мамушка! — Скарлетт упала на колени рядом с кроватью. — Мамушка, это я, Скарлетт. Твоя Скарлетт. Не болей, Мамушка, пожалуйста, не надо, я этого не вынесу.

Она положила голову на постель рядом с худеньким костлявым плечом и разрыдалась, как ребенок. Бесплотная рука погладила ее по голове.

— Не плачьте, деточка. Все на свете можно исправить.

— Все так плохо, — рыдала Скарлетт, — так плохо, Мамушка.

— А ну успокойся. Что такое одна чашка? У тебя ведь есть другой сервиз, такой же красивый. И чаепитие все равно можно устроить, как Мамушка вам и обещала.

Скарлетт в ужасе выпрямилась. Она уставилась в лицо Мамушки — глубоко запавшие глаза старой женщины сияли любовью, но они не видели ее.

— Нет, — прошептала она.

Этого ей не вынести. Сначала Мелани, потом Ретт, а теперь Мамушка — все, кого она любила, покидают ее. Слишком это жестоко. Так не бывает.

— Мамушка, — громко произнесла она, — Мамушка, послушай меня. Это же Скарлетт. — Она ухватилась за край матраса и попыталась его встряхнуть. — Посмотри на меня, — рыдала она, — взгляни мне в лицо. Ты же знаешь меня, Мамушка. Я — Скарлетт.

Крупные руки Уилла схватили ее за запястья.

— Не надо так, — сказал он. Голос его звучал мягко, но хватка была железная. — Она счастлива в этом состоянии, Скарлетт. Она снова

в Саванне и нянчит твою матушку, когда та была маленькая. Это было счастливое время для Мамушки. Она была молодая, сильная, у нее ничего не болело. Не мешай ей — пусть побудет так.

Скарлетт попыталась высвободиться.

— Но я хочу, чтобы она узнала меня, Уилл. Я ведь никогда не говорила ей, что она для меня значит. Я должна ей это сказать.

— У тебя еще будет случай. Она часто бывает другая — всех узнает. И знает, что умирает. Сейчас ей лучше. А ты — пойдем со мной. Все тебя ждут. Делайла присматривает за Мамушкой из кухни.

Скарлетт позволила Уиллу поднять ее на ноги. Она ничего не чувствовала — даже сердцем. Она молча прошла за Уиллом в гостиную. Сьюлин тут же начала ее осуждать, вспоминать все свои обиды, но Уилл заставил ее замолчать.

— Скарлетт перенесла тяжелый удар, Сью, оставь ее в покое.

И, налив виски в стакан, он сунул его в руку Скарлетт. Виски помогло. Оно проложило в ее теле огненную дорогу, приглушило боль. Она протянула Уиллу пустой стакан, и он налил еще.

— Привет, мои хорошие, — сказала она детям, — ну обнимите же мамочку.

Скарлетт слышала свой голос — он звучал как чужой, но по крайней мере она все же сумела произнести то, что хотела.

Она проводила все время, сколько могла, в комнате Мамушки, у ее кровати. Все свои надежды Скарлетт связала с Мамушкой, мечтая получить успокоение в ее объятиях, а теперь ее сильные молодые руки обнимали умирающую черную женщину. Скарлетт приподнимала иссохшее тело и купала Мамушку, меняла Мамушке белье, помогала, когда та задыхалась, уговаривала выпить несколько ложек бульона. Она пела ей колыбельные, которые Мамушка так часто пела ей самой, а когда Мамушка в бреду разговаривала с покойной матерью Скарлетт, отвечала ей так, как могла бы ответить мать.

Случалось, слезящиеся глаза Мамушки узнавали ее, и потрескавшиеся губы старухи трогала улыбка при виде своей любимицы. И тогда срывающимся голосом она выговаривала Скарлетт, как выговаривала ей, когда та была ребенком:

— Волосы у вас, мисс Скарлетт, прямо воронье гнездо, пойдите и расчешите их щеткой, сто раз, как учила вас Мамушка.

Или:

— Нечего вам ходить в таких мятых платьях. Подите-ка наденьте что-нибудь свеженькое, пока никто вас не видел.

Или:

— Бледенькая вы, мисс Скарлетт, как привидение. Уж не напудрили ли себе лицо? Сию же минуту смойте.

Что бы Мамушка ни приказывала, Скарлетт обещала все выполнить. Но времени послушаться Мамушку не было: старушка снова погружалась в бессознательное состояние или уходила в тот мир, где не было Скарлетт.

На протяжении дня и вечера Сьюлин, или Лути, или даже Уилл приходили посидеть с больной, и Скарлетт могла урвать полчаса сна, свернувшись в продавленной качалке. Но по ночам Скарлетт дежурила одна. Она прикручивала фитиль в керосиновой лампе и сидела, держа в своей руке худенькую, сухую руку Мамушки. Дом спал, и спала Мамушка, и Скарлетт наконец могла выплакаться — надрывные рыдания немного смягчали боль.

Однажды в тихий предзвездный час Мамушка проснулась.

— Что вы плачете, лапушка? — шепотом произнесла она. — Мамушка собралась сложить с себя груз и отдохнуть на руках Господа. Так что нечего убиваться. — Рука ее зашевелилась в руке Скарлетт, высвободилась, погладила Скарлетт по склоненной голове. — А ну перестаньте. Ничего тут такого плохого, как вы думаете, нет.

— Прости меня, — всхлипывая, сказала Скарлетт, — я просто не могу остановиться.

Скрюченные пальцы Мамушки отбросили спутанные волосы с лица Скарлетт.

— Скажите своей старой Мамушке, что вас грызет, мой ягненок.

Скарлетт посмотрела в старые, мудрые, любящие глаза и почувствовала такую боль, какой никогда еще не испытывала.

— Все я сделала не так, Мамушка. Сама не знаю, как я могла наделать столько ошибок. Просто не понимаю.

— Мисс Скарлетт, вы все делали так, как должно. Никто больше сделать не может. Милостивый Господь послал вам тяжкую ношу, и вы ее несли. Ни к чему спрашивать, по какой причине на вас легла такая тяжесть или чего вам стоило тащить на себе этот груз. Что было, то было. И не мучайтесь вы из-за этого.

Тяжелые веки Мамушки опустились на глаза, в которых при слабом свете блеснули слезы, и прерывистое дыхание ее стало менее хриплым во сне.

«Как же я могу не мучиться? — хотелось крикнуть Скарлетт. — Жизнь моя разбита, и я не знаю, что делать. Мне так нужен Ретт, а он бросил меня. Мне так нужна ты, и ты меня тоже бросаешь».

Она подняла голову, вытерла слезы рукавом, распрямила ноющие плечи. Угли в пузатой печке почти совсем сгорели, и в ведрке было